

Социальное самочувствие регионального сообщества в условиях кризиса

Ю. В. Уханова, Е. О. Смолева

Вологодский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, 56а

Для цитирования: Уханова Ю. В., Смолева Е. О. Социальное самочувствие регионального сообщества в условиях кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 284–300. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.302>

Статья посвящена проблеме адаптации современного общества к кризисной реальности. В качестве основного индикатора, отражающего уровень адаптационных процессов, используется категория «социальное самочувствие». На основе мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром Российской Академии Наук (ВолНЦ РАН) с 1996 г. на территории Вологодской области, анализируется изменение социального самочувствия жителей региона на протяжении 2000-х годов. Основное внимание уделяется кризисным периодам: 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг. Выявлено, что кризис 2014–2016 гг. не повлек за собой резкого ухудшения эмоционального фона и психического здоровья, как в 2008–2009 гг., о чем свидетельствует положительная тенденция уменьшения доли людей с проявлениями психических расстройств в виде тревоги, депрессии и неврозов; улучшение социального настроения и т. д. Вместе с тем адаптационные процессы по-разному протекали среди отдельных социально-демографических групп, в зависимости прежде всего от уровня их благосостояния. Получен вывод о том, что современной спецификой адаптации общества к кризисным явлениям стало привлечение населения к неудовлетворительному положению из-за длительности проблем социально-экономического характера, сопровождающееся ростом у людей неуверенности в будущем, формированием привычки жить «сегодняшним днем».

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная адаптация, кризис, социальное настроение, психологическое состояние.

Введение

На рубеже XX и XXI столетий Россия оказалась в ситуации системного кризиса, охватившего все сферы жизни общества, государства и личности и, как следствие, актуализировавшего проблему выхода из сложившейся критической ситуации [1]. Кризис — сложное экономическое явление, проявляющееся в нарушении равновесия социально-экономической системы и одновременном переходе ее в новое качество. Причины возникновения экономического кризиса всегда различны, они динамичны и трансформируются вместе с экономикой и обществом. Ученые указывают самые различные факторы, которые приводят к экономическим кризисам: от недостатка или, напротив, избытка капитала, кредитов и товаров до спекуляций [2]. Сторонники циклической теории полагают, что фаза кризиса возникает вследствие резкого усиления в экономике и обществе диспропорций, вызванных пред-

шествующим быстрым развитием и бумом [3]. Английский экономист Дж. Миллс среди основных причин кризисов выделял в первую очередь психологические факторы [4].

Рассматривая российское общество в 2000-е гг., аналитики акцентируют внимание на кризисных периодах 2008–2009 гг., а также 2014–2016 гг. Следует отметить, что если по поводу временных границ первого кризиса среди экономистов не возникает споров, то относительно второго единое мнение отсутствует. С точки зрения Г. И. Ханина и Д. А. Фомина, уже в январе 2013 г. в России начался новый кризис, который стал результатом предшествующего развития советской и российской экономики и общества [5, с. 11–15]. По утверждению ряда экспертов, кризис 2013 г. оказался затяжным и продолжился до 2017 г. Анализируя официальные данные Росстата, специалисты НИУ ВШЭ констатируют, что «промышленный подъем, возобновившийся в начале 2016-го после кризиса 2014–2015 гг., закончился в июне 2017-го, при этом на протяжении летних месяцев наблюдалась стабилизация, которая с началом осени сменилась спадом, все более ускоряющимся» [6]. Между тем большая часть экономистов ограничивают современный экономический кризис в российской экономике периодом с 2014 по 2016 г. А. В. Улюкаев и В. А. Мау утверждают, что на рубеже 2014–2015 гг. в российской экономике отчетливо проявились признаки кризиса: в декабре вслед за снижением цен на нефть более чем в два раза курс российской национальной валюты упал в два раза, инфляция ускорилась в годовом исчислении до 16 %, впервые с начала 2000-х годов сократились реальные доходы населения, а в 2015 г. зафиксированы отрицательные темпы роста ВВП [7]. Эти тенденции наблюдались до середины 2016 г. [8]. Вслед за этими авторами условно мы обозначаем кризис временными границами 2014–2016 гг.

При сравнении кризисов 2008–2009 и 2014–2016 гг. Г. И. Ханин и Д. А. Фомин приходят к выводу, что «современный кризис более глубокий и длительный, а пути его разрешения выходят далеко за рамки существующей экономической политики, что объясняется его протеканием в условиях конфронтации с западными странами» [9]. Директор региональной программы Независимого института социальной политики профессор Н. Зубаревич отмечает, «если **кризис конца 2008 и 2009 г. является глобальным**, то кризис, в котором мы живем сейчас, не имеет по своему генезису никакой связи с глобальными кризисами. Он начался как внутренний, и только со второй половины 2014 г. к нему добавились внешние факторы (нефть, Крым, санкции)» [8]. Обобщая, подчеркнем, что особенностью кризиса 2014–2016 гг. следует считать его связь в первую очередь с внутренней ситуацией в стране, а не с традиционными циклическими кризисами мирового масштаба, как, например, кризис 2008–2009 гг.

Согласно данным социологических опросов, уже в октябре 2008 г. 61 % россиян полагали, что страна находится в кризисе, при этом среди тех, кто оценивал ситуацию как кризисную, 68 % ответили, что «кризис произошел не внезапно, а назревал уже несколько лет» [10]. По данным на декабрь 2014 г., 80 % респондентов были согласны с тем, что в России наступает экономический кризис [11]. Основным признаком кризиса 2014–2016 гг. россияне (79 %) называли рост цен и высокую инфляцию, более трети опрошенных (35 %) видели проявление кризиса в сокращении зарплат, еще треть респондентов (34 %) упомянули о сокращениях персонала на предприятиях и росте безработицы [12].

По данным мониторинга общественного мнения Вологодского научного центра Российской академии наук (ВолНЦ РАН) в феврале 2009 г. ухудшение социально-экономической ситуации ощутили на себе около 83 % жителей региона, в июне — уже 93 %. В декабре 2008 г. около половины семей Вологодской области (49 %) начали сталкиваться с такими последствиями кризиса, как уменьшение заработной платы и социальных выплат (36 %), задержки заработной платы (21 %), увольнение с работы (20 %), закрытие организации, в которой работали (13 %). В 2015 г. 35 % жителей региона отметили, что стали жить хуже, каждый десятый столкнулся с потерей работы, каждый третий — с ухудшением материального положения.

Однако в целом следует отметить, что россияне подошли к кризису 2014–2016 гг. с солидным запасом прочности и опытом преодоления кризисов. Если кризисный 2009 г. 20 % респондентов называли плохим, а 39 % — хорошим, то 2015 г. — только 16 % — плохим, а 47 % — хорошим [13]. Из полученных данных видно, что последний кризис население воспринимает с большим оптимизмом.

В значительной мере в кризисные годы политическая устойчивость и способность государства и общества консолидироваться, эффективно противостоять угрозам и вызовам зависят от социальной адаптации граждан к новым условиям жизни. Интерпретируя термин «адаптация», отметим его происхождение от латинского слова *adapto*, что обозначает «приспосаблию». На сегодняшний день понятие «адаптация» используется во многих областях познания — в философии, социологии, психологии, кибернетике, экологии, этике, педагогике и пр. С позиции социологии адаптация трактуется, с одной стороны, как процесс активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды, с другой — как результат этого процесса [14].

Важнейшим показателем адаптации населения к кризисным изменениям в экономике является социальное самочувствие. Исследователи отмечают, что под влиянием кризиса в российском обществе происходит становление нового социокультурного механизма формирования отношения к изменяющейся реальности, и важная роль в процессе этих изменений принадлежит социальному самочувствию [15, с. 231].

В современных общественных науках социальное самочувствие рассматривают в корреляции с различными ракурсами анализа образа жизни, соотносят с уровнем и качеством жизни. Однако социологи указывают на то, что «качество жизни — это комплексная характеристика с акцентом на объективные показатели, в то время как социальное самочувствие смещает акцент на субъективные факторы» [16, с. 89]. В общем виде социальное самочувствие представляет собой эмоционально-оценочное отношение индивидов к соответствию социальных условий их потребностям и интересам [17, с. 9–13].

В качестве показателей социальной адаптации населения в контексте социального самочувствия нами выбраны показатели материальной обеспеченности населения (оценка уровня дохода и потребительская самоидентификация); оценки социального настроения и состояния тревоги, депрессии и невроза; показатели степени уверенности населения в завтрашнем дне. Целью исследования является сравнение влияния негативных последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и экономического кризиса 2014–2016 гг. на общественное мнение и психическое самочувствие населения региона (на примере Вологодской области). В результате анализа планируется проверить научную гипотезу: под воздействием

кризисных явлений в экономике у населения формируется механизм адаптации, что отражается на его социальном самочувствии.

Методология и методика исследования

Эмпирическое исследование адаптации современного общества к кризисной реальности осуществлено на основе данных мониторингов общественного мнения, проводимых ВолНИЦ РАН. Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца; мониторинг общественного психического здоровья — с 2009 г., один раз в два года. При опросах использовалась модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки — это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и районы: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек.

Восприятие населением социально-экономического положения

Социальное самочувствие как эмоционально-оценочное отношение индивида к окружающей социальной реальности и своему месту в ней, прежде всего, определяется оценкой социально-экономического положения. В период макроэкономической нестабильности вопросы личного материального благополучия становятся более актуальными [18].

Анализ динамики оценок материального положения жителей Вологодской области с 2008 по 2017 г. свидетельствует о негативных процессах, произошедших за это время: доля жителей региона, оценивающих свое материальное положение как «хорошее» и «среднее», сократилась на 8 процентных пунктов (п. п.) (с 70 до 62 %), «плохое» — возросла на 7 п. п. (с 24 до 31 %; табл. 1). Наибольшее ухудшение оценок приходится на кризисный период 2008–2009 гг.: удельный вес положительных оценок сократился на 10 п. п., отрицательных — увеличился на 9 п. п., в то время как в 2014–2016 гг. доля позитивных суждений уменьшилась на 3 п. п., отрицательных — возросла на 3 п. п.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что кризис 2014–2016 гг., хотя и понизил планку восприятия населением области своего материального положения, однако катастрофой для него не стал: общество начинает мобилизоваться, адаптироваться в новых экономических условиях. Исследователи делают вывод о том, что к марту 2016 г. россияне выдержали очередную волну кризисных явлений, адаптировались к новым жизненным условиям и даже частично восстановили утраченные в связи с кризисом социально-экономические позиции. При этом адаптационное поведение населения, по мнению экспертов, выглядит скорее пассивно, чем активно [19, с. 41–47]. В связи с этим можно отметить, что современной спецификой адаптации общества к кризисным явлениям является привыкание населения

к неудовлетворительному положению из-за длительности проблем социально-экономического характера.

Таблица 1. Оценка материального положения населения Вологодской области в 2008–2017 гг. (% от числа опрошенных)

Показатели социального настроения	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доля тех, кто оценивает свое материальное положение как «хорошее»	14,3	9,0	8,1	9,6	10,1	10,5	11,2	7,8	9,5	11,9
Доля тех, кто оценивает свое материальное положение как «среднее»	55,2	50,7	50,1	50,3	54,2	52,3	52,6	49,5	50,0	50,6
Доля тех, кто оценивает свое материальное положение как «плохое»	24,0	32,8	32,9	29,8	27,4	28,2	28,1	31,2	32,4	31,5

Интересную информацию о том, как общество воспринимает кризисный период, дает анализ оценок не только текущего материального положения, но и мнения о перспективах изменения материального состояния в будущем. Интегральным показателем для анализа оценки перспективы материального положения выступает индекс потребительских настроений (ИПН)¹. С 2008 по 2016 г. в среднем по области индекс потребительских настроений сократился на 23 п. (со 100,6 до 77,5 п.; табл. 2). Негативная динамика в наибольшей степени прослеживается в кризисные периоды: в 2008–2009 гг. ИПН снизился на 27 п., в 2014–2016 гг. — на 14 п. Следует отметить, что если в 2008 г. в целом по области, а также в большинстве социально-демографических групп значение ИПН было выше 100 п., то начиная с 2009 г. — значительно ниже нейтрального уровня. Это свидетельствует о преобладании среди населения пессимистических ожиданий относительно перспектив развития экономики и своего личного материального положения.

Подводя итог анализу восприятия населением региона в кризисные периоды своего материального положения, а также его перспектив на ближайшие годы, отметим, что в 2014–2016 гг. общество более позитивно относится к этим вопро-

¹ Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты ответов: «лучше», «хуже»).
2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответов: «хорошее», «плохое»).
3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно таким же, как сейчас? (варианты ответов: «будет лучше», «будет хуже», «будет таким же»).
4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем, или плохим, или каким-либо еще? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).
5. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Среднее арифметическое из частных индексов дает совокупную величину — индекс потребительских настроений. Значение ИПН 100 п. является нейтральной отметкой.

Таблица 2. Динамика индекса потребительских настроений в различных социально-демографических группах населения Вологодской области (в пунктах)

Категория населения		2008	2009	2013	2014	2015	2016
Пол	Мужской	102,1	75,9	91,0	87,6	76,8	78,7
	Женский	99,3	75,0	89,8	87,6	77,3	76,9
Возраст	До 30 лет	107,4	79,9	94,5	93,0	82,9	83,7
	30–55 лет	100,5	72,7	91,4	87,5	75,2	76,8
	Старше 55 лет	94,5	71,1	85,6	84,2	76,0	75,4
Образование	Н/среднее и среднее	96,0	74,0	83,4	80,5	73,6	74,7
	Среднее специальное	100,7	73,1	88,7	86,9	76,9	78,4
	Н/высшее и высшее	105,8	79,4	99,2	96,3	81,1	80,2
Доход	20 % наименее обеспеченных	90,4	67,8	71,2	69,8	62,5	64,8
	60 % среднеобеспеченных	98,8	72,0	90,8	87,0	77,0	76,7
	20 % наиболее обеспеченных	113,9	83,0	108,9	107,5	91,0	91,5
Территория	Вологда	96,6	71,3	92,3	90,8	75,9	77,1
	Череповец	102,6	72,6	97,7	95,3	83,3	78,4
	Районы	101,4	76,0	85,3	81,7	74,2	77,5
	Область	100,6	74,1	90,3	91,5	77,1	77,5

сам, чем в предыдущие кризисы, адаптируясь к неудовлетворительному положению. Аналогичная тенденция наблюдается и в целом по стране. Кроме того, изучая кризисные периоды, исследователи объясняют более оптимистичное восприятие событий 2014–2016 гг. по сравнению с 2008–2009 гг., в том числе, «активной антикризисной пропагандой с акцентом на экстерниоризацию угроз в 2014 г., что сплотило россиян, укрепив их социальные связи, и, главное, повысило их самооценку и уважение к себе» [20, с. 30–31].

Социальное настроение регионального сообщества

Наряду с восприятием социально-экономического положения важнейшим индикатором социального самочувствия социологи выделяют социальное настроение. По мнению Ж. Т. Тощенко, социальное настроение «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучной социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости» [21, с. 28]. Как показывают данные мониторинга общественного мнения, с 2008 по 2017 г. настроения жителей области сохраняются на стабильном уровне (доля положительных отве-

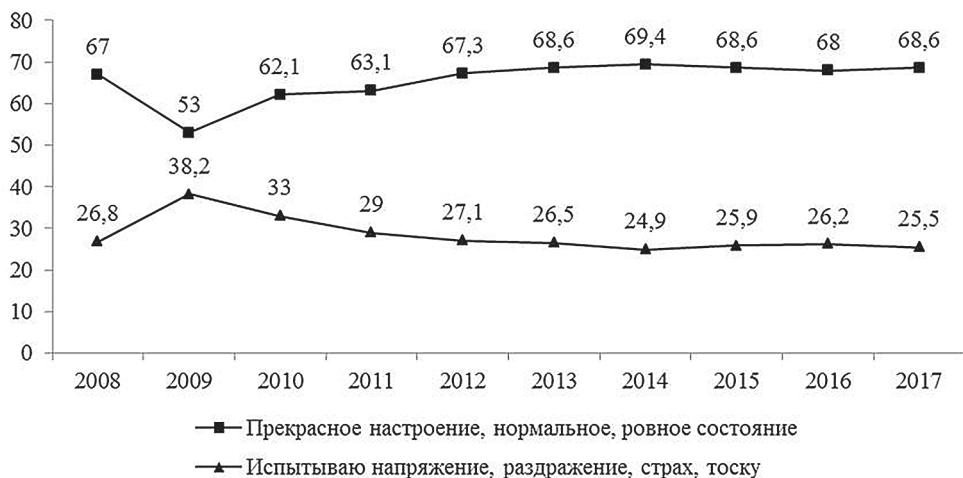

Рис. 1. Динамика социального настроения населения Вологодской области, в % от числа опрошенных

И с т о ч н и к: результаты мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

тов составляет 67–69 %; рис. 1). В то же время в 2009 г., после того как Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса, позитивная динамика показателя была прервана: доля людей, характеризующих свое настроение как «прекрасное», «нормальное», «ровное», снизилась на 14 п. п. (с 67 до 53 %); удельный вес тех, кто испытывает напряжение, раздражение, страх, тоску, вырос на 11 п. п. (с 27 до 38 %). Но это оказалось кратковременным явлением, и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться. В 2014–2017 гг., несмотря на экономический кризис и ухудшение материального положения, социальное настроение жителей области осталось на уровне докризисного 2013 г.: доля положительных отзывов достигает 68–69 %, отрицательных — 25–27 %. Характеризуя современный экономический кризис, социологи приходят к выводу, что наиболее значительный спад позитивных и всплеск негативных социальных настроений пришелся на начало кризиса, затем последовал период стабилизации, но к весне 2017 г. ситуация стала изменяться, сближаясь с картиной, характерной для точки начала кризиса [1, с. 73].

Таким образом, в период экономических кризисов уровень доходов и оценки материального благосостояния имеют большое значение для восприятия населением социальной реальности и своего места в ней, однако не играют в этом отношении решающей роли (о чем свидетельствует положительный рост уровня социального настроения на фоне ухудшения оценок материального благосостояния). Н. Е. Тихонова приходит к выводу, что удовлетворенность россиянами своей жизнью связана, прежде всего, с оценками отношений в семье и с друзьями. От материальных же условий жизни россиянам в основной их массе требуется соответствие некому минимальному стандарту: нормальное питание, жилье, возможность приобрести одежду и обувь, и если этими сторонами они довольны, то материальное благосостояние их не беспокоит [22].

В целом полученные данные позволяют говорить о том, что в 2014–2016 гг., в отличие от кризиса 2008–2009 гг., социальное настроение сохраняется стабиль-

ным, что может свидетельствовать о психологической адаптации и привыкании людей к новым условиям, а также об устойчивости российского общества к кризисным явлениям последних лет.

Состояния тревоги, депрессии, невроза

Кризисное состояние общества, резкие экономические изменения со снижением уровня жизни, ломка жизненных стереотипов — все это существенным образом может отражаться еще на одной составляющей социального самочувствия — эмоционально-психологическом состоянии в виде проявления симптомов тревоги, депрессии, невроза. Нежелательные изменения в жизненных обстоятельствах, такие как безработица, тесно связаны с депрессией, тревожными расстройствами и самоубийствами [3; 23–24].

С 2008 по 2017 г., несмотря на кризисные периоды, эмоционально-психологический фон в регионе сохраняется стабильным: доля лиц, проявляющих симптомы тревоги, составила в эти годы 26–28 %, депрессии — 28–29 %, невроза — 10–11 % (рис. 2). Обращает на себя внимание значительное сокращение удельного веса жителей области, негативно характеризующих свое эмоциональное состояние по сравнению с началом 2000-х годов. Это можно объяснить стабилизацией с середины 2002 г. общественно-политической и социально-экономической ситуации: в России продолжалось реформирование экономики и социальной сферы, были определены основные направления дальнейшего совершенствования государственного устройства.

Следует отметить положительную динамику показателей эмоционально-психологического состояния с 2009 по 2015 г.: доля жителей региона, отмечающих у себя признаки тревоги, сократилась на 7 п. п. (с 30 до 23 %), депрессии — на 6 п. п. (с 31 до 25 %). С 2015 г. наблюдается некоторый рост доли лиц, проявляющих симптомы тревоги, депрессии (с 2015 до июля 2017 г. удельный вес лиц, проявляющих признаки тревоги, вырос на 3 п. п.: с 23 до 26 %, депрессии — на 3 п. п.: с 25 до 28 %).

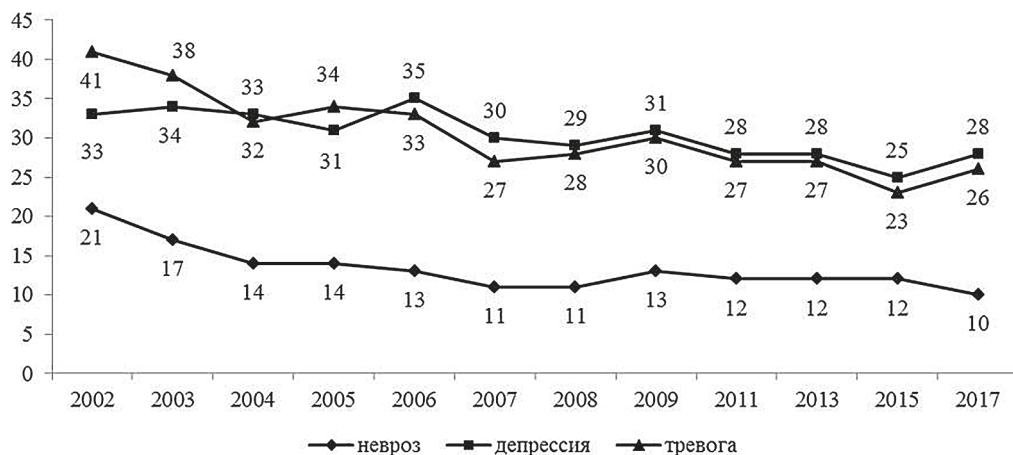

Рис. 2. Доля жителей, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза, в % от числа опрошенных

Источники: результаты мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таблица 3. Доля людей, проявляющих признаки тревоги или депрессии (в %)

Категория населения	Признаки депрессии					Признаки тревоги				
	2002	2008	2009	2015	2017	2002	2008	2009	2015	2017
Население региона	33,3	29,1	30,2	24,7	28,5	40,5	28,0	30,2	22,5	26,2
<i>Доходные группы</i>										
20 % наименее обеспеченных	54,8	32,9	36,2	39,5	37,4	39,6	36,8	34,5	36,9	34,8
60 % среднеобеспеченных	46,4	33,8	33,0	23,6	30,8	40,9	27,6	31,3	20,8	28,4
20 % наиболее обеспеченных	27,4	13,6	20,1	12,2	17,3	22,3	15,8	25,8	12,1	15,8
<i>Пол / Возраст</i>										
Мужчины до 30 лет	21,8	19,2	20,1	20,7	17,6	19,8	18,7	21,7	19,5	16,2
Мужчины 30–60 лет	33,1	21,3	28,7	21,7	26,5	32,5	25,8	22,4	19,4	20,2
Мужчины старше 60 лет	50,5	48,6	44,2	39,2	43,3	63,2	30,1	30,8	23,2	35,1
Женщины до 30 лет	36,1	16,2	19,1	13,1	14,1	19,2	22,5	30,3	22,2	16,3
Женщины 30–55 лет	47,7	27,7	27,0	21,8	22,3	28,6	30,7	36,5	22,6	28,1
Женщины старше 55 лет	58,4	49,2	47,4	33,4	41,6	61,2	36,4	37,9	27,6	35,8

При рассмотрении состояния тревоги, депрессии и невроза у населения в кризисные периоды представляет интерес выявление особенностей субъективного восприятия ситуации среди отдельных социально-демографических групп.

Согласно полученным данным, в Вологодской области в 2008–2009 гг. доля людей, проявляющих признаки тревоги или депрессии, в большей степени возросла в высокодоходных группах населения: удельный вес людей, отмечающих у себя признаки тревоги, увеличился на 6 п. п., депрессии — на 10 п. п. (табл. 3). То, что кризис в большей степени сказывается на более доходных группах населения, отмечают российские эксперты. Так, в своем выступлении на конгрессе «Социальная психиатрия будущего» глава Научного центра социальной и судебной психиатрии Т. Б. Дмитриева указала на то, что «в условиях финансового кризиса негативное значение имеет стрессовая ситуация у людей, которые еще вчера представляли самодостаточный средний класс, а сегодня много лишились» [25]. Вместе с тем по мере развития кризисные явления отразились на широких слоях общества. Изменение социально-экономической и политической ситуации в 2014–2016 гг. не повлекло за собой резкого ухудшения эмоционального фона, как в 2009 г., однако в большей степени отразилось на группе среднеобеспеченных жителей области. Сравнение показателей 2002 и 2017 г. также выявляет тенденцию к существенному улучшению эмоционально-психологического состояния населения Вологодской области по всем доходным группам, однако следует отметить, что наиболее высокие показатели тревоги и депрессии в 2017 г. зафиксированы в низкодоходных группах: в них 37 % респондентов отмечают у себя проявления депрессии (по срав-

нению с 29 % по общей выборке) и 35 % — проявления тревоги (26 % по общей выборке).

Изменения психологического состояния представителей различных доходных групп можно объяснить отчасти тем, что население, относящееся к низкодоходным категориям, в кризисы сталкивается с такими проблемами, как рост цен, безработица, задержки зарплат, высокодоходные группы — с обесцениванием сбережений [14]. И в первом случае последствия кризиса оказывают большее влияние на самочувствие населения.

В период 2002–2017 гг. наибольшие проявления тревоги и депрессии наблюдаются в старших возрастных группах как среди мужчин, так и среди женщин. По сравнению с 2008 г. в 2009 г. симптомы депрессии участились в группе мужчин от 30 до 60 лет, тревоги — среди женщин до 30 лет и от 30 до 55 лет. В 2017 г. отмечается рост проявлений тревоги и депрессии в старших возрастных группах. Вывод о влиянии кризисов в большей степени на старшие возрастные группы совпадает с результатами, полученными Н. Е. Тихоновой и А. В. Каравай в исследовании ресурсов россиян [26, с. 47]. Ученые отмечают, что более высокая доля тех, кто старше 40 лет, приходится на безресурсное население.

Эмоционально-психологический фон во время экономического кризиса существенно различается в зависимости от рода занятий [27]. Как свидетельствуют данные социологических опросов, в кризисные периоды среди неработающих жителей распространение признаков негативных психологических состояний выше. Вместе с тем в 2008–2009 гг. ухудшение показателей психического здоровья наблюдалось среди работающего населения: доля лиц, отмечающих у себя признаки тревожности, увеличилась на 4 п. п. (с 26 до 30 %), депрессии — на 5 п. п. (с 22 до 27%; табл. 4). С одной стороны, это связано с опасениями по поводу возможности увольнения. По данным Департамента занятости населения Вологодской области в регионе с января по сентябрь 2009 г. уровень безработицы увеличился с 2,4 % до 4,2 %. С другой стороны, снижение уровня распространенности признаков тревоги и депрессии среди неработающего населения связано с антикризисными мерами государства, направленными на поддержание уровня доходов людей, потерявших работу. Так, с 1 января 2009 г. в 1,5 раза увеличились минимальный и максимальный размеры пособия по безработице — до 850 и 4900 рублей.

Экономический кризис 2014–2016 гг. в меньшей степени, чем предыдущий, сказался на росте безработицы. Если в 2009 г. число безработных по сравнению с докризисным периодом возросло в 2 раза (с 26 до 52 тыс. чел.), то в 2015 по сравнению с 2014 г. в 1,2 раза (с 35 до 42 тыс. чел.). Однако следует обратить внимание на тот факт, что в 2015 г. изначально число безработных в регионе было выше, чем в 2009 г. (35 и 26 тыс. чел. соответственно), а размер пособия по безработице остался на уровне 2009 г. В связи с этим среди безработных наблюдался рост распространения симптомов тревоги, депрессии, невроза: в 2015–2017 гг. доля лиц, отметивших у себя признаки тревоги, возросла на 8 п. п. (с 28 до 36 %), депрессии — на 3 п. п. (с 40 до 43 %). Среди работающего населения уровень негативных оценок психологического состояния сохранился без существенных изменений.

В период экономического кризиса усиливается воздействие факторов риска депрессии, таких как безработица, высокая долговая нагрузка и потребление алкоголя. И если среди людей, потерявших работу, негативный психологический

Таблица 4. Распространение симптомов тревоги, депрессии, невроза в зависимости от рода занятий населения (в % от числа опрошенных)

Группы населения по роду занятий	2002	2008	2009	2015	2017
<i>Тревога</i>					
Население региона	40,5	28,0	30,2	22,5	26,2
Работающие	34,3	25,9	29,8	20,1	22,1
Безработные, в том числе:	48,6	32,9	30,4	28,3	35,6
студенты, учащиеся	29,6	17,8	22,1	16,1	16,7
пенсионеры, инвалиды	58,7	38,6	33,0	28,3	35,5
безработные (официально зарегистрированные), неработающие	46,9	33,3	30,4	30,1	45,3
<i>Депрессия</i>					
Население региона	33,3	29,1	30,7	24,7	28,5
Работающие	27,3	21,7	26,7	21,2	21,9
Безработные, в том числе:	55,3	45,5	39,4	39,7	43,2
студенты, учащиеся	17,0	16,8	15,8	10,7	10,4
пенсионеры, инвалиды	63,4	57,5	48,4	43,8	45,5
безработные (официально зарегистрированные), неработающие	38,8	40,4	31,9	40,7	51,6
<i>Невроз</i>					
Население региона	21,1	10,7	12,9	11,5	10,1
Работающие	15,9	10,1	11,8	11,2	9,3
Безработные, в том числе:	27,1	12,6	14,9	12,4	12,4
студенты, учащиеся	20,2	15,0	10,5	12,5	6,3
пенсионеры, инвалиды	27,1	12,5	15,7	13,2	11,7
безработные (официально зарегистрированные), неработающие	22,4	8,8	21,7	10,2	17,9

эффект проявится в краткосрочной перспективе, то неблагоприятная экономическая ситуация также затронет семьи и станет фактором риска в долгосрочном периоде для психического здоровья детей [28].

При оказании квалифицированной помощи людям с психическими расстройствами остро встает вопрос доверия и желания со стороны последних обратиться за помощью к специалистам (психологу, психиатру, психотерапевту). В 2015 г. население области высказывало мало доверия к помощи специалистов. Только треть респондентов (30 %, табл. 5) были готовы сразу обратиться за помощью к квалифицированному специалисту в случае необходимости (отмечается небольшой

Таблица 5. Мнение населения Вологодской области об оказании квалифицированной психиатрической помощи (в % от числа опрошенных)

Среднее по опросу	2002 г.	2015 г.
<i>Готовы ли Вы обратиться за помощью к квалифицированному специалисту (психологу, психиатру, психотерапевту) в случае необходимости?</i>		
Да, готов(а) обратиться сразу	25,5	29,5
Хотелось бы, но трудно это сделать (непривычно, могут неправильно понять окружающие и т. п.)	25,6	12,9
Нет, потому что могу справиться сам(а)	32,6	45,6
Нет, потому что он всё равно не поможет	16,4	12,0
<i>Хотелось бы Вам, чтобы услуги квалифицированного специалиста (психолога, психиатра, психотерапевта) были доступны по месту Вашего жительства?</i>		
Да, это необходимо	36,0	15,9
Нет, не вижу такой необходимости	13,5	52,5
Да, наверное, не помешало бы	33,6	16,7
Затрудняюсь ответить	16,8	14,8

рост — с 26 % в 2002 г.). Практически половина опрошенных (46 %) думают, что смогут справиться сами, и эта группа увеличилась по сравнению с 2002 г. на 13 %. Изменения произошли за счет уменьшения с 26 % до 13 % числа лиц, которым трудно обратиться к специалистам из-за внутренних барьеров (непривычно, могут неправильно понять окружающие и т. п.).

Резкое изменение произошло и во мнении респондентов относительно доступности услуг квалифицированного специалиста по месту жительства. Если в 2002 г. более двух третей населения отмечали необходимость доступной помощи специалистов («Да, это необходимо» — 36 %, «Да, наверное, не помешало бы» — 34 %), то в 2015 г. только треть респондентов (33 %) ответили на данный вопрос утвердительно (соответственно 16 % и 17 %). Более половины респондентов (53 %) не видят необходимости в наличии по месту жительства доступной помощи населению с психическими расстройствами (по сравнению с 13 % в 2002 г.).

Таким образом, несмотря на негативные тенденции в экономике, общество не входит в состояние эмоционального напряжения, что свидетельствует о привыкании населения к нестабильной ситуации. Однако ухудшение оценок эмоционально-психологического фона в последние годы является тревожной тенденцией. Исследователи приходят к выводу, что нынешнее положение — это своего рода точка бифуркации, когда относительно незначительные события могут привести к существенному изменению (улучшению или ухудшению) ситуации [20, с. 40].

Уверенность населения в будущем

Социальная адаптация населения к негативным изменениям окружающей действительности во многом характеризуется таким индикатором социального самочувствия, как степень уверенности в завтрашнем дне. По данным опроса общественного мнения ВолНИЦ РАН, с 2008 по 2016 г. наблюдается рост доли жителей области, не уверенных в завтрашнем дне (на 16 п. п.: с 45 до 61 %), при этом негативная динамика оценок заметна в кризисные периоды (с 2008 по 2010 г. на 17 п. п., с 2013 по 2016 г. — на 13 п. п.; рис. 3). Следует подчеркнуть, что ощущение неуверенности в будущем в годы экономического кризиса характерно для большей части населения (примерно для 50–60 %).

Рис. 3. Доля жителей Вологодской области, сталкивающихся с проблемой неуверенности в завтрашнем дне в 2008–2016 гг., в % от числа опрошенных

Источники: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНИЦ РАН.

Следовательно, особенностью адаптации российского общества к кризисным явлениям является, с одной стороны, формирование привычки «жить сегодняшним днем», что, с другой стороны, сопровождается ростом у людей неуверенности в будущем.

Заключение

Таким образом, социальное самочувствие, выступая одновременно фактором и показателем социальной адаптации к негативным изменениям в кризисные периоды, характеризует общее комплексное внутреннее состояние индивида, группы, социума. С одной стороны, степень успешности прохождения процесса социальной адаптации к кризисной реальности оказывает решающее влияние на различные стороны социального самочувствия, с другой — именно самочувствие детерминирует эти процессы [30].

Проведенный анализ результатов мониторинга общественного мнения ВолНИЦ РАН на территории Вологодской области показал, что кризис 2014–2016 гг. не повлек за собой резкого ухудшения социального самочувствия, как в 2008–2009 гг.,

и уже к 2016 г. население региона, как и в целом по стране, эмоционально выдержало очередную волну негативных явлений в экономике. Таким образом, выявленные изменения показателей социально-психологического состояния российского общества, динамика оценок материального положения и его перспектив свидетельствуют о психологической адаптации и привыкании людей к кризисным условиям 2014–2016 гг. по сравнению с 2008–2009 гг. В связи с этим есть основания утверждать, что под воздействием кризисных явлений в экономике у населения формируется механизм адаптации, что отражается на его социальном самочувствии.

В то же время было выявлено, что общие тенденции изменения социального самочувствия в 2014–2016 гг. во многом схожи с теми процессами, которые наблюдались в годы финансового кризиса 2008–2009 гг.: происходит постепенное нарастание доли негативных оценок, однако более медленными темпами.

Научный проект будет продолжен в направлении изучения адаптационных механизмов населения региона. В общероссийских исследованиях показано, что основным механизмом адаптации россиян к кризисам на сегодняшний день является экономия [1]. Но экономический кризис дает возможность переориентации [26]. Каким образом люди справляются с такими трудностями, как безработица во времена экономического кризиса, зависит от механизма преодоления личности. С целью минимизации влияния экономических кризисов необходимо наращивать социальный капитал, чтобы произошло смещение акцентов от денежных ресурсов к неденежным компонентам жизни.

Литература

1. Марева С. В. Адаптация россиян к последствиям экономического кризиса // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 65–76.
2. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М.: ЛКИ, 2010. 189 с.
3. Murray N. Rothbard. Economic Depressions: Their Cause and Cure. Michigan: Constitutional Alliance of Lansing, 1969. 22 p.
4. Mills J. On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics // Transactions of the Manchester Statistical Society 1867–1868. 1868. P. 5–40.
5. Ханин Г. И., Фомин Д. А. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra economicus. 2013. Т. 11, № 2. С. 11–15.
6. Ивантер А. Фальстарт роста // Эксперт. 2018. № 1–2. С. 15–17.
7. Улюкаев А. В., Мау А. В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5–19.
8. Зубаревич Н. В. Социальная география российского кризиса // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 5–18.
9. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода // Terra economicus. 2014. Т. 12. № 4. С. 15–32.
10. Аналитический центр «Левада-Центр». Отношение к финансовому кризису. 2008. URL: <https://www.levada.ru/2008/10/22/otnoshenie-rossiyan-k-finansovomu-krizisu-17-20-oktyabrya-2008-goda/> (дата обращения: 05.07.2017).
11. Аналитический центр «Левада-Центр». Россияне поверили в наступление затяжного экономического кризиса. 2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/12/30/rossiyane-poverili-v-nastuplenie-zatyazhnogo-ekonomicheskogo-krizisa/> (дата обращения: 04.06.2017).
12. Исследовательский холдинг «Ромир». Россияне поняли, что они в кризисе: аналитические материалы. 2016. URL: http://romir.ru/studies/764_1456952400/ (дата обращения: 20.08.2017).
13. Смагин И. И., Смагина В. И. Социальная адаптация населения: жизнь от кризиса к кризису // Саяпинские чтения. Сборник материалов круглого стола / отв. ред. Я. Ю. Радюкова. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2016. С. 222–231.

14. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
15. Баженова Е. Ю., Васюков М. А., Волков Ю. Г. Ростовская область: адаптация к жизни в условиях кризиса // Россия реформирующаяся: сб. науч. статей / Ин-т социологии РАН, отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 228–253.
16. Дулина Н. В., Такарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск: Смоленский филиал ОРАГС, 2009. С. 89–95.
17. Бгажноков Б. Социальное самочувствие и проблемы безопасности // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 9–13.
18. Dirupis D. Economic threat undermines the satisfaction of psychological needs for competence and autonomy // Journal of applied social psychology. 2016. Vol. 46(2). P. 94–104.
19. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.
20. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16–37.
21. Тоценко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социальной теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 20–29.
22. Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.
23. Artazcoz L., Benach J., Borrell C. Unemployment and mental health: Understanding the interactions among gender, family roles, and social class // American Journal of Public Health. 2004. Vol. 94(1). P. 82–86.
24. Yang B., Lester D. Suicide, homicide and unemployment // Applied Economics Letters. 1995. Vol. 2. P. 278–279.
25. Информационное агентство «РИА». Новости РИА Primamedia. URL: www.primamedia.ru/news/show/?id=86079 (дата обращения: 23.08.2017).
26. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.
27. De Moortel D., Thevenon O., De Witte H. Working Hours Mismatch, Macroeconomic Changes, and Mental Well-being in Europe // Journal of health and social behavior. 2017. Vol. 58 (2). P. 217–231.
28. Wahlbeck K., Awolin M. The Impact of Economic Crises on the Risk of Depression and Suicide: A Literature Review. URL: https://thl.fi/documents/189940/257523/Impact_economic_crisis%2030-11-09.pdf (дата обращения: 04.05.2018).
30. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. 176 с.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2017 г.;
рекомендована в печать 22 мая 2018 г.

Контактная информация:

Уханова Юлия Викторовна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник;
ukhanova4@rambler.ru
Смолева Елена Олеговна — научный сотрудник; giolenas@rambler.ru

Social well-being of regional community in a crisis

Yu. V. Ukhanova, E. O. Smoleva

Federal state budgetary institution of science
“Vologda research center of Russian academy of sciences” (VoIRC RAS),
56-a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation

For citation: Ukhanova Yu. V., Smoleva E. O. Social well-being of regional community in a crisis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 3, pp. 284–300. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.302> (In Russian)

The article is devoted to a problem of modern society's adaptation to crisis reality. As the main indicator reflecting the level of adaptation processes the category "social well-being" is used. On the basis of monitoring of the public opinion which is carried out The Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (ISEDT RAS) since 1996 in the territory of the Vologda region change of social well-being of inhabitants in the region for the 2000th is analyzed. The main attention is paid to the crisis periods — 2008–2009 and also 2014–2016. It is revealed that the crisis of 2014–2016 hasn't caused a sharp deterioration in an emotional background and mental health, as in 2008–2009 what positive dynamics in reduction of people's share with displays of mental disorders in the form of alarm, depression, and neurosis testifies to; improvement of social mood, etc. At the same time adaptation processes differently proceeded among separate social and demographic groups, first of all depending on their welfare. A conclusion that modern specifics of society's adaptation to the crisis phenomena is the accustoming of the population to an unsatisfactory situation because of the duration of problems social and economic character which is followed by growth at people of uncertainty in the future, a habit to live for "today".

Keywords: social well-being, social adaptation, crisis, social mood, a psychological condition.

References

1. Mareeva S. V. Adaptatsiia rossiian k posledstviiam ekonomicheskogo krizisa [Adaptation of Russians to the consequences of the economic crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017, no. 11, pp. 65–76. (In Russian)
2. Grinin L. E., Korotaev A. V. *Global'nyi krizis v retrospektive: Kratkaia istoriia pod'emov i krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena* [The global crisis in retrospect: A brief history of ups and downs: from Lycurgus to Alan Greenspan]. Moscow, LKI Publ., 2010. 189 p. (In Russian)
3. Murray N. *Rothbard. Economic Depressions: Their Cause and Cure*. Michigan, Constitutional Alliance of Lansing, 1969. 22 p.
4. Mills J. On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics. *Transactions of the Manchester Statistical Society 1867–1868*, 1868, pp. 5–40.
5. Khanin G. I., Fomin D. A. V Rossii nachalsia ekonomicheskii krizis i, skoree vsego, on budet dolgim [In Russia the economic crisis began and, most likely, it will be a long one]. *Terra economicus*, 2013, vol. 11, no. 2, pp. 11–15. (In Russian)
6. Ivanter A. Fal'starta rosta [Fallstart growth]. *Ekspert*, 2018, no. 1–2, pp. 15–17. (In Russian)
7. Uliukaev A. V., Mau A. V. Ot ekonomicheskogo krizisa k ekonomicheskomu rostu, ili Kak ne dat' krizisu prevratit'sia v stagnatsiiu [From the economic crisis to economic growth, or How not to allow the crisis to turn into stagnation]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 4, pp. 5–19. (In Russian)
8. Zubarevich N. V. Sotsial'naia geografiia rossiiskogo krizisa [Social geography of the Russian crisis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016, no. 5, pp. 5–18. (In Russian)
9. Khanin G. I., Fomin D. A. Ekonomicheskii krizis 2010-kih godov v Rossii: prichiny, posledstviia, puti vykhoda [The economic crisis of the 2010s in Russia: causes, consequences, exit routes]. *Terra economicus*, 2014, vol. 12, no. 4, pp. 15–32. (In Russian)
10. *Analiticheskii tsentr «Levada-Tsentr». Otnoshenie k finansovomu krizisu. 2008* [Levada Analytical Center. Attitude to the financial crisis. 2008]. Available at: <https://www.levada.ru/2008/10/22/otnoshenie-rossiyan-k-finansovomu-krizisu-17-20-oktyabrya-2008-goda/> (accessed: 05.07.2017). (In Russian)
11. *Analiticheskii tsentr «Levada-Tsentr». Rossiiane poverili v nastuplenie zatiazhnogo ekonomicheskogo krizisa. 2014* [Levada Analytical Center. Russians believed in the onset of a protracted economic crisis. 2014]. Available at: <https://www.levada.ru/2014/12/30/rossiiane-poverili-v-nastuplenie-zatyazhnogo-ekonomicheskogo-krizisa/> (accessed: 04.06.2017). (In Russian)
12. *Issledovatel'skii holding «Romir». Rossiiane poniali, chto oni v krizise: analiticheskie materialy* [Romir research holding. Russians realized that they are in crisis: analytical materials. 2016]. Available at: http://romir.ru/studies/764_1456952400/ (accessed: 20.08.2017). (In Russian)
13. Smagin I. I., Smagina V. I. Sotsial'naia adaptatsiia naseleniia: zhizn' ot krizisa k krizisu [Social adaptation of the population: life from crisis to crisis]. *Saiapinskie chteniia. Sbornik materialov kruglogo stola*. Ed. by Ya. Yu. Radyukova. Tambov, Izd-vo TGU, 2016, pp. 222–231. (In Russian)

14. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriia. Praktika* [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice]. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2006. 479 p. (In Russian)
15. Bazhenova E. Iu., Vas'kov M. A., Volkov Iu. G. Rostovskaia oblast': adaptatsiia k zhizni v usloviakh krizisa [Rostov Region: adaptation to life in times of crisis]. *Rossiiia reformiruiushchiasia: sb. nauch. statei* [Russia in Reform: Year-Book. Collection of scientific articles], Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Ed. M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf, 2016, issue 14, pp. 228–253. (In Russian)
16. Dulina N. V., Takarev V. V. Sotsial'noe samochuvstvie naseleniia kak odin iz kriteriev otsenki deiatel'nosti regional'noi vlasti [The social well-being of the population as one of the criteria for assessing the activities of regional authorities]. *Sotsiokul'turnye osnovaniia strategii razvitiia regionov Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po programme «Sotsiokul'turnaia evoliutsiia Rossii i ee regionov»* [Sociocultural foundations of the strategy for the development of Russian regions: materials of the All-Russian scientific and practical conference on the program "Sociocultural evolution of Russia and its regions"]. Smolensk, Smolenskii filial ORAGS, 2009, pp. 89–95. (In Russian)
17. Bgzhnokov B. Sotsial'noe samochuvstvie i problemy bezopasnosti [Social health and security problems]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 3, pp. 9–13. (In Russian)
18. Dupuis D. Economic threat undermines the satisfaction of psychological needs for competence and autonomy. *Journal of applied social psychology*, 2016, vol. 46 (2), pp. 94–104.
19. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of time], book 2, M. K. Gorshkov [et al.], eds. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Moscow, Ves' Mir Publ., 2015. 432 p. (In Russian)
20. Latova N. V. Udovletvorennost' rossiian zhizn'iu vo vremia krizisa: 2015 — god bifurkatsii [Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2016, no. 3, pp. 16–37. (In Russian)
21. Toshchenko Zh. T. Sotsial'noe nastroyenie — fenomen sovremennoi sotsial'noi teorii i praktiki [Social mood is a phenomenon of modern social theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, no. 1, pp. 20–29. (In Russian)
22. Tikhonova N. E. Udovletvorennost' rossiian zhizn'iu: dinamika i faktory [Russians' life satisfaction: dynamics and factors]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 3, pp. 19–33. (In Russian)
23. Artazcoz L., Benach J., Borrell C. Unemployment and mental health: Understanding the interactions among gender, family roles, and social class. *American Journal of Public Health*, 2004, vol. 94(1), pp. 82–86.
24. Yang B., Lester D. Suicide, homicide and unemployment. *Applied Economics Letters*, 1995, vol. 2, pp. 278–279.
25. *Informatsionnoe agentstvo «RIA». Novosti RIA Primamedia* [Russian Agency of International Information "RIA Novosti". Primamedia News]. Available at: www.primamedia.ru/news/show/?id=86079 (accessed: 23.08.2017). (In Russian)
26. Tikhonova N. E., Karavai A. V. Resursy rossiian v usloviakh krizisa: dinamika i rol' adaptatsii k novym usloviyam [Resources of Russians in a crisis: the dynamics and role of adaptation to new conditions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, no. 10, pp. 43–53. (In Russian)
27. De Moortel D., Thevenon O., De Witte. Working Hours Mismatch, Macroeconomic Changes, and Mental Well-being in Europe. *Journal of health and social behavior*, 2017, vol. 58 (2), pp. 217–231.
28. Wahlbeck K., Awolin M. *The Impact of Economic Crises on the Risk of Depression and Suicide: A Literature Review*. Available at: https://thl.fi/documents/189940/257523/Impact_economic_crisis%2030-11-09.pdf (accessed: 04.05.2018).
30. *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniia v usloviakh reform: regional'nyi aspekt* [Social well-being of the population in the context of reforms: a regional aspect]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2011. 176 p. (In Russian)

Received: October 28, 2017

Accepted: May 2, 2018

Author's information:

Yuliya V. Ukhanova — PhD (history), senior researcher; ukhanova4@rambler.ru

Elena O. Smoleva — Research Associate; riolenas@rambler.ru